

1

Все-таки чертовски хорошо быть молодым! Не беда, что после работы ноет спина и горят на ладонях мозоли. Выйдешь из шахты, встанешь под душ, и усталость как рукой снимет. А потом оденешь новый костюм и идешь по широким улицам поселка, как заправский шахтер: не спеша, вразвалку. Девчата смотрят вслед, а ты делаешь вид, что тебя это вовсе не интересует.

Всем взял Юрка Огонек: и ростом, и силой, и красотой. Посмотрит своими черными цыганскими глазами — сердце затрепещет, вскинет крутую бровь — душа замрет, словно испуганная птица.

— Жениться тебе, парень, пора, — скажет кто-нибудь, а Юрка только тряхнет светлопшеничной копной волос, присвистнет в ответ:

— Успею...

Многие товарищи Огонька, демобилизованные солдаты, с которыми он приехал из армии, обзавелись семьями, получили квартиры, а Юрка продол-

жает холостяковать. Ему активно помогает закадычный дружок Керим Мамедов. Товарищи спешат с работы домой, а Юрка с Керимом — в поселковую столовую. Там у них есть даже облюбованное место: в правом углу у окна. Постоянные посетители столовой знают об этом и никогда не занимают их место. В воскресные дни друзья обедают обязательно с водкой. Прежде чем идти в столовую, покупают в магазине поллитровку. Для маскировки берут в буфете бутылку «Нарзана». Огонек, равнодушно поглядывая на плакат «Распивать спиртные напитки в столовой категорически воспрещается», наливает водку в стаканы. Пустую бутылку осторожно ставит за батарею парового отопления.

Всего несколько месяцев работает Огонек с Мамедовым на шахте «Западная». Живут в интернате, занимают отдельную комнату.

Керим во всем старается подражать Юрке, но у него это плохо получается. Огонек не размахивает руками, когда говорит, а Керим во время разговора превращается в настоящего дирижера. Юрка уже десятки раз одергивал своего темпераментного друга, но тот через несколько минут забывает об этом и продолжает неистово жестикулировать, видимо, полагая, что руками помогает языку.

— Когда разговариваешь, руки в карманах держи, — советует ему Юрка.

Керим прищелкивает языком и, разводя руками, говорит:

— Понимаешь, ничего не получается. Рот открываю — руки из карманов вылезают, руки в карман кладу — рот закрывается. Совсем интересно получается...

Одевается Керим тоже, как Огонек. Юрка покупает голубую шелковую рубашку, и Керим вслед за ним приобретает точно такую же. Купит Юрка остроносые черные туфли, и Керим через день щеголяет в таких же.

В работе он тоже стремится не отстать от Огонька. Трудятся ребята в одной бригаде, всегда на виду друг у друга.

— Ну, как сегодня рубанул? — после каждой смены спрашивает Огонек.

— Три лошади, — отвечает тот.

— Не лошади, а «коня», — смеется Юрка.

— Понимаешь, по-азербайджански все равно, что лошадь, что конь, — поясняет Керим и крутит в воздухе ладонью.

— Как, это — все равно? — удивляется Огонек.

— А так. Он, она — у нас нет. Язык такой.

На Керима тоже поглядывают девчата, но он не обращает на это внимания: в азербайджанском селении Маштаги ожидает его невеста Амина. Она часто пишет Кериму письма и в каждом спрашивает: зачем он поехал в Донбасс, почему не вернулся в родное село, где зреет виноград «шааны» и лучатся на высоких раскидистых деревьях плоды инжира.

Ах, Амина, Амина, ты прекрасно знаешь, почему поехал твой Керим в Донбасс! Здесь в каменистой донецкой земле похоронен его отец — пулеметчик Зейнал Мамедов. Лежит он в братской могиле, на высоком холме, неподалеку от шахтерского поселка Западный, лежит вместе со своими друзьями однополчанами, погибшими в неравном бою с фашистами. Сын часто приходит к этой могиле подолгу стоит у каменного обелиска, читает фамилии погребенных под ним. Десяток русских и украинских фамилий. Среди них — азербайджанская — Мамедов. Отцу было двадцать лет, когда он сложил голову в этой суровой степи, а сыну его сейчас уже исполнилось двадцать три. Сын стал старше отца. Есть у него на шахте хорошие друзья. Каждый день спускается он с ними в глубокую темную лаву, верит в них так же, как верил отец в тех, кто лежит с ним под одним обелиском. Значит, и они верили в молодого пулеметчика Зейнала Мамедова.

Керим ехал в Донбасс только побывать на могиле отца, а Юрка сказал ему:

— Значит, армейскую дружбу побоку — и в теплые края? Хоть годик давай вместе поработаем.

Кериму было обидно слушать такие слова от друга, и он остался на «Западной». Кроме того, парню

не хотелось ехать в родное село с пустыми руками, без хороших свадебных подарков для Амины. Амина девушка хорошая. Она могла бы обойтись и без подарков, но ее родители строго придерживаются старых традиций: жених без подарков — не жених. Да и Юрку не хотелось обижать. Три года служили в одном отделении, спали в одной казарме, выручали друг друга.

Ночами Кериму снится солнечный Азербайджан и черноглазая Амина. Вот и сегодня, проснувшись после ночной смены, он сладко потянулся и, закури-вая папиросу, проговорил:

— Понимаешь, Юрка, опять сон видел.

— Понимаю, — отозвался тот полусонным голо-сом и повернулся на другой бок.

— Ничего ты не понимаешь, — обиделся Керим.

Вскочив с кровати, он начал стаскивать с друга одеяло.

— Брось дурить, — проворчал Огонек, закрываясь с головой.

— Ну, и шайтан с тобой, — махнул рукой Керим и пошел умываться.

Когда он вернулся, Юрка уже сидел на койке, тер заспанные глаза.

— Какой же тебе сон приснился? — спросил он позевывая.

— Такой сон рассказать совсем невозможно, понимаешь? — начал пояснять с азартом Керим, — та-кой сонпеть надо.

— Ты на это мастер. Возьми да спой.

Кериму только этого и нужно было. Сняв со сте-ны сааз, он легонько тронул его звонкие струны. Потом, закрыв глаза, запел тихим гортанным голо-сом. Юрка внимательно слушал друга, хотя и не по-нимал слов песни. Он сердцем чувствовал, что Керим поет о чем-то хорошем и светлом. Чаще всего в песне повторялось слово «севгилим». Керим произносил его с какой-то особенной нежностью. Когда песня оборвалась, Юрка спросил:

— Народная, наверное?

— Зачем народная? — удивился Керим, — моя песня, что думал, что видел, о том и пел.

— Интересно, — протянул Огонек, — значит, ты, вроде, поэт, что ли?

— У нас, кто свои песни поет, ашугом называется, — пояснил Керим.

— А как это на русский язык перевести?

— 'Ашуг—это влюбленный, понимаешь, влюбленный! У него душа поет, слова из сердца, как соловьи, летят!

— Как соловьи — не знаю, а вот графин сейчас со стола полетит, — заметил Огонек Кериму, размахивающему руками.

Передвинув графин подальше от края стола и погладив перламутровую отделку сааза, поинтересовался:

— А что такое севгилим?

— Севгилим — это любимая, — перевел Керим непонятное слово.

— Значит, опять Амину во сне видел?

— Видел, — тяжело вздохнул Керим.

— Тогда песню переведи, — попросил Огонек.

Тщательно подбирая слова, Керим начал рассказывать содержание песни, сочиненной несколько минут назад:

— Далеко, далеко живет моя любимая. Щеки у нее, как спелые гранаты, губы сладкие, как сахар, косы, как две черные змеи. Я хочу прикоснуться губами к сахару, но боюсь черных змей, хочу дотронуться до спелых гранат — змеи пугают меня. Пусть эти змеи пугают каждого, кто захочет прикоснуться к сахару и гранатам. Пусть сахар и гранаты останутся только для меня.

— Ну и песня, — засмеялся Юрка и потянулся к папиросам.

Керим сердито посмотрел на него, и Огонек не решился закурить. Он только помял папиросу между пальцами.

— А ты, Керим, оказывается, эгоист.

— Зачем эгоист? — вспыхнул Керим. — Я девушку

люблю, она меня любит. Зачем другой, как шакал, должен воровать любовь?

— Это вопрос сложный, — проговорил Юрка, закуривая папиросу, — давай лучше о чем-нибудь другом поговорим.

— Зачем о другом? — не унимался Керим. — Зачем, как Молла Насреддин, начинаешь выкручиваться? Знаешь Моллу Насреддина?

— Слыхал о таком шутнике.

— Так вот, один раз Молла Насреддин приехал в чужой город, а там стали у него спрашивать, какой сегодня день. Молла немного подумал и ответил, что он приехал из других мест и посоветовал спросить об этом у местных жителей.

— При чем же тут я? — удивился Юрка.

— А ты хорошенько подумай, может быть, вспомнишь, какой сегодня день? — не на шутку расхохотался Керим.

— Ничего не понимаю, — пожал плечами Огонек. — Какая муха тебе на нос села?

— Ты хорошо понимаешь, — замахал Керим рукой перед самым носом Юрки. — Зачем товарища обманываешь? Зачем к его жене ночью как жулик ходишь? Зачем ей разный хабур-чабур говоришь?

— Ах, ты вот о чем, — неестественно рассмеялся Огонек, — тоже мне бабский защитник нашелся.

— Нехорошо так, Юрка, — уже более спокойно заговорил Керим и сунул руки в карманы, — Катя, конечно, красивая. А муж у нее хороший парень. Как ты ему в глаза смотришь? Как вместе вино пьешь, хлеб ешь?

Огоньку не хотелось ссориться с другом, и он начал оправдываться:

— Любит она меня, втрескалась...

— А ты ее любишь? — спросил Керим и, вынув руки из карманов, заходил по комнате.

Огонек медлил с ответом. Он еще и сам толком не разобрался в своих чувствах к Кате Глушко.

В поселке об их встречах никто не знал, кроме Керима. С ним Юрка поделился этой тайной по-дружески.

Огонек познакомился с Катей на танцах. Пригласил ее на вальс, а потом пошел провожать домой. Дорогой Катя рассказала о себе.

Родилась и выросла она в этом самом поселке. Год назад вышла замуж за вдовца Михаила Глушко. Он старше ее на десять лет, имеет шестилетнего сынишку Вовку.

— Как же вы такая молодая за вдовца пошли?

— Пошла — и все тут, — просто ответила молодая женщина. — Жили мы рядом. У него умерла жена, а мои родители пристали ко мне: выходи да выходи за Михаила замуж, все равно в институт не поступишь. Я и без них знала, что не поступлю, а тут такая досада взяла, что я разревелась как дуреха.

— От обиды, значит, замуж вышли?

— Не от обиды, а от жалости, наверно. Целыми днями Вовка на улице болтался. Прибежит к нам домой чумазый, как поросенок, в кухню заглядывает. Умою, накормлю его, а он склонит головку и уснет у меня на коленях. Во сне несколько раз мамой называл. Придет Михаил с работы и знает, где сынишку искать, а Вовке домой не хочется идти. Раз зашел Михаил, два зашел, вроде к отцу по делу, а потом и говорит: «Может быть, ты, Катя, за меня замуж пойдешь?» Вот, как видишь, и пошла.

— А на танцы зачем он вас пускает?

— Он у меня не ревнивый, — улыбнулась Катя, и Юрий увидел озорные огоньки в ее больших глазах. — Сам предложил: ты, говорит, Катюша, еще молодая, тебе повеселиться надо, потанцевать, пока свой ребенок на свет не появился.

Потом она призналась:

— Скучно мне с ним.

Прощались в тени цветущих акаций, буйно разросшихся в переулке. От цветочного запаха кружилась голова. Юрий осторожно положил руку на плечо молодой женщине и почувствовал, как она вздрогнула.

— Я пойду, — заторопилась Катюша и скрылась в тени деревьев.

На танцах она больше не появлялась. Напрасно Юрий ходил туда каждый вечер, напрасно тратился на билет.

Как-то раз они случайно встретились в кино. Катюша была с мужем. Юрий поздоровался с Михайлом, а тот поспешил познакомить его с молодой женой.

«Мы уже знакомы», — хотел сказать Огонек, но промолчал и, как ни в чем не бывало, пожал протянутую для знакомства руку. Катюша тоже сделала вид, что не знает Юрия.

— Очень приятно познакомиться.

В зале Михаил предложил:

— Садись, Огонек, рядом с нами, все равно мест свободных полно.

Когда погас свет и на экране замелькали кадры из американского фильма «Большой вальс», Юрий почувствовал, как его ноги осторожно коснулась нога в модной туфельке. Огонек хотел отодвинуть ногу, но так и не сделал этого. Потом Катюша наклонилась к нему и что-то спросила. Юрий не расслышал вопроса. Он только ощутил, как прядка душистых волос обожгла его щеку. Сердце парня учащенно забилось, и он уже плохо понимал, что происходит на экране. Кто-то куда-то ехал, кто-то играл на рожке, какая-то ослепительно красивая женщина в широкополой шляпе кружилась в ритме вальса по тропинке густого сада.

Юрий украдкой посмотрел на соседку и встретился с ее глазами. Даже в темноте он увидел в них лихорадочно-тревожный блеск. Когда женщина на экране пропела: «О, как люблю Вас, в то утро шепнули Вы мне», Катюша резко поднялась с места и громко сказала:

— Ерунда какая-то, пойдем, Миша, домой.

В зале зашикали, а Катюша, не обращая на это внимания, быстро пошла к выходу. Следом за ней шел Михаил.

Немного подождав, покинул зал и Огонек.

С того вечера он потерял покой. Хотелось снова увидеть Катюшу, поговорить с ней, почувствовать пожатие ее упругой прохладной руки.

Вскоре Михаил Глушко уехал в крымский санаторий, и Огонек снова встретился с Катей в том же кинотеатре. И снова они почти не видели картины.

Когда пришли домой, Юрий спросил:

— А где Вовка?

— Спит у бабушки, — ответила Катюша и как-то виновато улыбнулась. Потом подошла к парню и в страстном порыве, словно одержимая, прильнула к его губам.

— Измучил ты меня, — шептала она между поцелуями, — Огонек ты мой горячий.

Юрий осторожно гладил ее светлые волосы, не зная, что сказать в ответ.

— Все будет хорошо, — твердил он одну и ту же фразу, хотя и сомневался в этом.

Что делать? Единственный выход — бросить все и уехать с Катюшей далеко-далеко. Трудности не пугали Юрия, мучила только совесть.

Как-то раз он встретился с Вовкой.

— А папы нет дома, — заявил мальчишка, когда Огонек открыл калитку, — мамы тоже дома нет.

— А папа скоро приедет? — задал Юрий первый попавшийся вопрос.

— Скоро. Он вчера маме телеграмму прислал. У меня папка очень хороший, ружье мне привезет, а маме что-нибудь красивое-прекрасивое.

Юрию стало неловко. Он не знал, куда деть глаза, а мальчишка смотрел прямо в них, тараторил без умолку:

— Вы вместе с папой работаете, да? Я тоже шахтером буду или космонавтом. У меня мускулы во какие!

Юрий щупал тоненькие ручонки, поддакивал, стараясь хоть кое-как поддержать разговор.

— А у меня своя шахта есть, — вдруг спохватился Вовка и потащил Юрия в глубь двора, под яблоню, где возвышалось сооружение из старых ящиков. Между ними виднелось два колеса, напоминающие шкивы шахтного копра.

— Это копер, что ли? — спросил Юрий.

— Копер, — подтвердил Вовка и потянул веревку, свешивающуюся с колеса. Из ящичков показалось ведерко, наполненное углем.

— Молодец! — похвалил его Огонек.

— Мама пришла! — вдруг обрадованно закричал Вовка и, бросив веревку, побежал к калитке.

Он крепко обхватил ноги Катюши, терся носом о юбку. Юрий нерешительно шагнул навстречу и не знал, с чего начать разговор. Катюша тоже смутилась. Отстранив легонько Вовку, она долго возилась с задвижкой калитки. Мальчишка тем временем хозяйничал в ее сумке, доставая оттуда румяные яблоки.

— Ух, какие вкусные! — приговаривал он, посаывая сладкий сок из надкушенного плода. — Хотите попробовать?

Огонек взял протянутое яблоко и, повертев его в руках, осторожно положил на крышку почтового ящика, прибитого к низенькому забору.

— Вовочка, отнеси, пожалуйста, сумку домой, — попросила Катюша.

Бросив обьедок яблока через забор, Вовка взял сумку и убежал.

— Завтра приезжает Михаил, — подавленно сказала Катюша и тут же отвернулась.

— Что же будем делать? — тихо спросил Огонек, словно боясь, что их услышат из соседнего дома.

— Не знаю, ничего я не знаю, — с отчаянием говорила молодая женщина и хрустнула пальцами. Потом резко повернулась и пристально посмотрела в глаза Огоньку. Юрий понял, что сейчас от него одного зависит судьба этой женщины. Скажет он: «Давай уедем», и Катюша, не раздумывая, прямо от калитки пойдет за ним хоть на край света.

Но Юрий молчал. Не мог сказать он этих слов. Может, и сказал бы, если бы не встретил Вовку.

А тот уже кричал за спиной:

— Мамочка, мамочка, я к бабушке пойду.

Катюша еще раз посмотрела Юрию в глаза и, поняв, что творится в его душе, прикрикнула на мальчишку: